

И. Князев, О. Строгов

Происхождение и перспективы общества статуса

2010 г.

I

Настоящая статья является продолжением статьи «Классы в постиндустриальном обществе» и развивает изложенные в ней идеи применительно к анализу исторических событий XX — начала XXI века. Для лучшего понимания читателем предлагаемого материала, приведем краткие результаты предыдущей работы.

Во-первых, в ней утверждалось, что современное постиндустриальное (информационное) общество, характерное для наиболее развитых стран, (США, Япония, страны Объединенной Европы и др., включая Россию), является классовым и антагонистическим. Однако, этот антагонизм отличается от описанного в марксизме капиталистического антагонизма.

Во-вторых, источником отличия является появление на социальной арене многочисленных групп людей, занимающихся производством и обработкой информации. Мы насчитали четыре такие группы. Первая группа, которую мы назвали «коммуникативной», производит законченную товарную информацию и состоит из писателей, журналистов, ученых гуманитарных и естественных специальностей, работников СМИ, юристов, консультантов, создателей рекламы и др. Из этого перечня наибольшее влияние на жизнь общества оказывают (и, соответственно, получают наибольшую выгоду) работники СМИ, писатели и создатели кинофильмов. Их, в большинстве крепко спаянных корпоративной моралью и четко осознающих общность своих интересов, мы в дальнейшем будем называть медиакратией. Принадлежа к коммуникативной группе, медиакратия одновременно представляет собой часть идеакратии, то есть совокупности относящихся к различным группам и классам людей, формирующих господствующие в общественном сознании идеи. Важнейшим информационным продуктом медиакратии является принятая в обществе система нравственных ценностей.

Вторая группа, называемая «бюрократической», занимается производством нетоварной (управленческой) информации. Бюрократия бывает двух видов — государственная и корпоративная.

Третья социальная группа может быть названа «научно-технической», так как состоит из ученых, инженеров и наиболее образованных рабочих и техников. Все эти люди производят информацию, необходимую для производства других товаров, имеющих вещественную форму.

Четвертая социальная группа — «гуманитарная» — производит такой важнейший товар, как рабочая сила. Гуманитарная группа состоит, в основном, из врачей и педагогов.

Все перечисленные социальные группы не являются непосредственным порождением информационной эпохи, но при ней они развились настолько, что качественно изменили общественную структуру. Нами было показано, что «информационные» группы не могут быть отнесены ни к одному из известных из марксистской теории классов и, следовательно, вступают между собой в самостоятельные отношения. А, поскольку «информационные» группы вызваны к жизни самыми передовыми тенденциями в развитии производительных сил, то отношения между ними также будут самыми передовыми социальными отношениями.

Третье положение состояло в предложенном нами объяснении современного господствующего положения бюрократии и медиакратии. Это объяснение заключается в том, что в информационном обществе доход человека чаще всего определяется его социальным статусом, а не наоборот, как это было в обществе капиталистическом. Мы определили современный статус как достигаемое неэкономическими методами и признанное обществом право на долю произведенных обществом материальных благ. Под неэкономическими методами здесь понимается формирования определенных межличностных взаимоотношений, в пределе — между отдельным человеком и обществом в целом. Социальная жизнь постиндустриального общества имеет основой борьбу за повышение материального благосостояния людей путем повышения их статуса, причем эта борьба ведется как внутри социальных групп и целых народов, так и между ними. Под материальными благами мы подразумеваем не только предметы, деньги и т.п. (вещественные блага), но и возможность получения необходимой инфор-

мации (информационные блага), а также благоприятное отношение к человеку со стороны других людей и общества в целом (этические блага).

Повышение статуса может быть заслуженным и незаслуженным. Примером заслуженного повышения является подвиг, то есть исключительное действие, совершаемое человеком на благо социума и находящее соответствующую оценку, а примером незаслуженного — блат, установление хороших взаимоотношений в корыстных целях с некоторой узкой группой лиц. В последнем случае статус присваивается за счет снижения статуса другого, более достойного человека. С помощью присвоения статуса бюрократия и медиакратия достигают своего благосостояния, при этом в первую очередь присваивается статус научно-технической и гуманитарной социальных групп как передовых, а значит, и наиболее производительных отрядов трудящихся. Общество, в котором материальные блага справедливо или несправедливо распределяются пропорционально статусу, а не накопленной собственности, мы будем в дальнейшем называть «обществом статуса».

Физически статус является ни чем иным, как информацией. Закономерно, что в информационную эпоху информация же, а не вещи и предметы, является предметом ключевого для социальных процессов присвоения. Столь же закономерно, что статус представляет собой неформализованную информацию, воспринимаемую в обход рационального мышления, не фиксируемую ни на каких носителях и, следовательно, не поддающуюся тиражированию. Он проявляется в таких категориях, как доверие к человеку, уважение, восхищение им, готовность соглашаться с его мнением или хотя бы прислушиваться к нему и т.п. По-видимому, иррациональный характер восприятия статуса снижает эффективность административного управления социальными процессами, зато облегчает использование методов психологической манипуляции (создание необходимых ассоциаций, управление эмоциями и др.).

Из констатации наличия статусной эксплуатации следует наш четвертый тезис — в обществе статуса формируются новые, отсутствовавшие ранее классы. Новым классом-эксплуататором является суперстатусный класс, статус ко-

того искусственно завышен за счет субстатусного класса. Основу суперстатусного класса составляют медиакратия и бюрократия, основу субстатусного — научно-техническая и гуманитарная социальная группы. Для суперстатусного класса нами предлагается название «корпоративного», для субстатусного — название «фор-класс».

Социальные противоречия между ними составляют самые передовые противоречия в современном обществе, которые с течением времени будут только обостряться, так как носят непримиримый, антагонистический характер. В то же время капиталистические отношения являются для общества статуса вторичными и неосновными. Корпоративный класс находится с буржуазией в состоянии конкуренции за присвоение прибавочного продукта, хотя по ряду частных вопросов старый и новый хищники легко приходят к соглашению. Пролетариат объективно не имеет противоречий с фор-классом, поскольку сам в определенной степени подвергается статусной эксплуатации.

На основании вышеизложенного нами был сделан вывод о невозможности отнесения современного общества к капиталистической формации. Поэтому мы вводим новое понятие «понтуализма» как антагонистической постиндустриальной общественно-экономической формации, основанной на статусной эксплуатации и являющейся промежуточной между монополистическим капитализмом и коммунизмом.

Таковы основные положения, которые были подробно изложены авторами в предыдущей статье. Здесь же мы хотим продемонстрировать, как эти положения могут быть применены к объяснению ряда известных исторических событий и использованы для прогноза перспектив социального развития.

II

Распределение материальных благ в соответствии со статусом имело место на протяжении всей истории человечества. Более того, в первобытнообщинной формации, насколько мы можем сейчас о ней судить, распределение по статусу было доминирующим способом распределения. Скорее всего, статус в те

времена распределялся относительно заслуженно и, соответственно, преимущества в потреблении материальных благ имели те, чьи заслуги перед общиной были большими, чем у прочих. Но, в силу первобытной нищеты, даже большая разница в статусе могла дать лишь небольшую разницу в потребляемых вещественных благах, что компенсировалось этическими благами.

В рабовладельческой формации распределение по статусу играло заметную роль в странах с господствовавшим «азиатским способом производства». В феодальном обществе статус стал, в основном, определяться «благородством», но статусная эксплуатация играла второстепенную роль по сравнению с изъятием прибавочного продукта за счет собственности на землю. Можно говорить лишь об использовании статусной эксплуатации церковью, получавшей «десятину» и пожертвования в результате присвоения права посредничества в столь тонком вопросе, как «спасение души».

В феодальную эпоху разница вещественных благ, проистекающая от разницы статусов, была достаточно ощутима, но присвоение статуса затруднялось его зависимостью от происхождения. Некоторым аналогом сегодняшнего присвоения статуса могут считаться случаи молниеносного возвышения и столь же стремительного падения королевских фаворитов и фавориток.

Статусные отношения являются традиционно доминирующими в некоторых ограниченных социумах. Так, через все века существования классового общества прошла идеальная статусная общность — армия, в которой присвоение статуса процветает, в основном, в мирное время, тогда как на войне справедливости в этом вопросе становится несколько больше. Другим примером является группа людей, связанных приятельскими отношениями. Важнейшую роль статус играет в семье. Одновременно принадлежа к нескольким социумам (семья — друзья и знакомые — производство), человек имеет в них разный статус. Но, поскольку нас в первую очередь интересует вопрос эксплуатации, мы рассматриваем статус в масштабах системы производительных сил и производственных отношений. На этом уровне можно констатировать, что распределение благ в

соответствии со статусом никогда ранее не имело такой совокупности особенностей, какие оно имеет сейчас. Оно не было одновременно:

- господствующим типом распределения;
- допускающим широкое присвоение статуса;
- обеспечивающим громадную разницу в объеме получаемых материальных благ.

Для перехода общества к новой формации должны были быть выполнены четыре условия. Первое: выход производительных сил на новый уровень развития. Второе — ослабление производственных отношений, характерных для предшествующей формации. Третье — формирование в недрах прежней формации очагов новых производственных отношений. Четвертое — легитимизация всех происходящих изменений в общественном сознании. Давайте посмотрим, как обстояли дела с этими условиями при переходе от монополистического капитализма к понтуализму.

III

Применительно к нашим задачам, основным вопросом при исследовании производительных сил является периодизация для сопоставления уровня производительных сил с той или иной общественно-экономической формацией. В свое время Э. Тоффлером была выдвинута ставшая популярной теория «волн». В соответствии с ней, производительные силы человечества прошли в своем развитии два этапа — доиндустриальный (аграрный) и индустриальный, а с 60-х годов XX века начал формироваться третий, постиндустриальный этап, находящийся в данный момент в состоянии конфликта с индустриальным. Периодизация Тоффлера хорошо сочетается с марксистским формационным подходом: доиндустриальное общество представлено рабовладельческой и феодальной формациями, индустриальное — капиталистической, включая империализм. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться схемы Тоффлера, внося в нее представляющиеся необходимыми коррективы.

При установлении границ постиндустриальной эпохи мы предлагаем сконцентрировать внимание на принципиально новом содержании большинства технологических процессов, существующих в этот период. Таким содержанием является неизмеримо больший объем используемой в ходе производства информации и резкое расширение технологического масштаба. Начиная с 30-х годов XX века, существование отдельных предприятий, отраслей и целых государств напрямую зависит от того, как они участвуют в развитии фундаментальной и прикладной науки, насколько полно внедряют их достижения в производство товаров и подготовку кадров. Современное производство немислимо не только без научной, но и без планово-управленческой и статистической информации, количество которой также бесконечно превзошло любые представления прошлого. Огромные армии работников заняты только получением, обработкой и передачей информационных потоков. «Информационная лавина» является надежным ориентиром на границе индустриального и постиндустриального обществ.

Примерно с того же времени, то есть с 30-х или 40-х годов прошлого века, начинается кардинальное изменение технологического масштаба, понимаемого как диапазон размеров используемых в производстве объектов и связей между ними. В индустриальную эпоху размеры объектов производства колебались от долей миллиметра (самые изощренные детали ювелирных изделий) до сотен метров (здания, корабли). Исключение составляли лишь такие специфические сооружения, как кабельные трассы протяженностью до нескольких тысяч километров. Но с 40 х годов человек начал ставить себе на службу мир атомов, то есть вторгся в область микро- и нанометров. В части верхнего предела масштабной шкалы также произошли значительные подвижки. Длина космических линий связи стала астрономической и вышла за пределы Солнечной системы. Водоизмещение крупнейших кораблей выросло на порядок, суммарная длина трубопроводов измеряется миллионами километров.

К 60-м годам XX века сформировался новый набор требований к государству, которое может называться «развитым»: оно должно играть заметную роль

в науке, иметь широкий доступ к ядерным, электронным и авиационно-космическим технологиям на уровне, как минимум, участия в международных программах, и широко использовать плановые методы на государственном или корпоративном уровне. Эти требования сохраняются до сих пор почти в том же виде, разве что с добавлением нанотехнологий. Поэтому логично считать, что на 60-е годы приходится не начало, как представляется Э. Тоффлеру, а завершение складывания постиндустриального мира, в котором мы живем по сей день. Что же касается будущего развития производительных сил, то теория «волн» не дает о нем четкого представления. Однако можно заметить, что, в отличие от информационной насыщенности и технологического масштаба, некоторые важнейшие направления производительных сил или приостановили развитие, или, хоть и растут, но весьма медленно. В статье А. Ю. Чернова «Что происходит с современным НТП?» (2008 г.) приводятся следующие данные. «Рост единичной мощности в электроэнергетике прекратился с середины 70-х годов... для сравнения: с 1900 г. до 1931 г. максимальная мощность паровых турбин возросла в 40 раз... На морском флоте самое крупное судно построено в 1976 г. За последующие 30 лет этот рекорд не был побит, в то время как за предыдущие 36 лет максимальные размеры судов возросли в 15 раз! ... В автомобильном транспорте самосвал-рекордсмен 2004 г. модели Т282В имеет грузоподъемность всего на 4 % выше, чем рекордсмен 1977 г. Остаются непревзойденными единичные мощности доменные (5 тыс. м³), кислородного конвертора (ёмкость 350 т), прокатного стана (с 1969 г. — стан 2000 Липецкого комбината мощностью 6 млн. т в год), карьерного экскаватора (1968 г., фирма Бюсайрус, ёмкость ковша — 168 м³, вес — 12 тыс. т), гидравлических прессов (с 1967 г. в СССР на Новокузнецком металлургическом заводе, усл. 75 тыс. т) и т. д. Первый промышленный робот был создан в 1961 г. (Энгельберг, США), к 1970 г. в мире было около 350 роботов, а в 1982 г. их выпустили 12 тыс. шт. В 1990 г. мировое производство промышленных роботов достигло 80 тыс. шт., но уже к 1994 г. выпуск упал до 53 тыс. шт. в год, а к 2001 г. восстановился лишь до 78 тыс. шт.».

Причиной современного торможения НТП является описанная нами в предыдущей статье противоположность бюрократических и инженерных решений, проистекающая из неразрывной связи процесса принятия решения с процессом перераспределения статуса. И здесь мы переходим от развития производительных сил к развитию производственных отношений.

IV

Основой капиталистических производственных отношений является частная собственность на средства производства, включая финансовый капитал. Право собственности предполагает право владения, право распоряжения и право использования. Применительно к средствам производства право использования определяет, прежде всего, получателя выгоды от присвоения прибавочного продукта. В «классической» (индивидуальной) частной собственности все три составляющие права объединены персоной владельца. В 19—20 в. в. широкое распространение получили другие формы собственности — государственная и корпоративная (частная акционерная). При переходе к государственной и корпоративной собственности триединое право расщепляется. В случае государственной собственности правом владения наделяется государство как субъект права, правом распоряжения — государство как конкретные люди (центральный и производственный управленческий аппарат), правом использования — все население страны, т.к. прибавочный продукт, произведенный трудоспособным населением на государственных предприятиях, частично возвращается к нему в виде вещественных благ через общественные фонды потребления, а также в виде этических благ уверенности в завтрашнем дне, безопасности и т. п. В корпорации право владения принадлежит акционерам, право распоряжения — наемным менеджерам, а право использования — снова акционерам, но в той степени, в которой позволит менеджмент.

Если рассматривать собственность не с точки зрения правовых норм, а с точки зрения отношений между людьми, то и тут государственная и корпоративная собственность отличаются от индивидуальной частной. В случае инди-

видуальной частной собственности имеют место отношения между не имеющими собственности с ее непосредственным владельцем, а в случае государственной или корпоративной — с распоряжающимися лицами.

Наиболее радикально вопрос о собственности был решен в России после Октябрьской революции. Господствующим видом собственности стала государственная, составлявшая в конце существования СССР до 90 % производственных фондов страны. За рубежом процесс обобществления собственности широко затронул все развитые страны. К концу 60-х годов, то есть к моменту завершения формирования постиндустриального общества, удельный вес государственных предприятий в экономике стран Западной Европы составлял: 11,2 % во Франции, 11,4 % в Великобритании, 11,6 % в Италии и 8,7 % в ФРГ. Для того же периода доля государственных предприятий в национальном доходе колебалась: от 25 и 35 % для Японии и США до 38, 42 и 48 % соответственно в Италии, Великобритании и Франции (БСЭ, 3-е изд., статья «Собственность»).

Примерно такая же ситуация сохраняется и по сей день. Например, в Норвегии, по данным сетевого альманаха «Восток» (Н. Антюшина «Несмотря на диктат «глобалистов», № 5 (17), май 2004 г.) в государственной собственности находится производство электроэнергии (компания Statkraft SF — 100 % акций у государства, Norsk Hydro — 51 %), почта (Posten Norge BA, 100 %), железные дороги (NSB, 100 %), торговля лекарствами (Norsk Medisinaldepo); сохраняется государственный контроль над банковскими услугами (DNB/Postbanking — 60 %; банк Cristiania — 34,7 %), телекоммуникациями (Telenor/Telia — 40 %) и авиаперевозками (SAS Norge ASA — 14, 3 %). Даже сейчас, после припадка либерализма 90-х годов прошлого века и сопутствующей ему частичной приватизации, норвежская государственная собственность дает около 10 % ВВП, что, правда, в 2 раза меньше, чем было 20 лет назад.

Необходимо учитывать определенные особенности отношений собственности в различных странах. Так, собственность, взятая фирмой в аренду у государства, может учитываться как частная. И уж подавно относится к частной собственности завод, построенный на взятый у государства кредит, выданный

под выполнение государственного заказа. Поэтому позиции государства в экономике стран Запада существенно прочнее, чем это представляется из официальной статистики.

Большая часть средств производства, находящихся сегодня в частной собственности, принадлежит монополиям, представляющим собой сложные объединения акционерных обществ. По данным Сергея Анисимова, приведенным в статье «Развод по-американски: уроки кризиса для рациональных самоувеличителей» («Техника-молодежи», № 5, 2009 г.), 50 млн. американцев владеют акциями нефтяных компаний напрямую или через взаимные фонды. Большинство компаний, пишет Анисимов, «это публичные корпорации, то есть акционерные общества, хотя бы часть акций которых продаётся всем желающим через биржу. Любая корпорация — это лицо юридическое, то есть фикция. Она отделена от своих учредителей, участников и инвесторов, обеспечивая тем самым их ограниченную ответственность. Поскольку одной из отличительных черт корпорации является разделение функций владения и управления, владельцы-акционеры сидят дома ... отдав управление в руки особо одаренных людей — руководителей».

Необходимо четко понимать, что вопрос о том, кто оказывает большее влияние на экономику — владельцы акций или менеджмент — определяется не абсолютной концентрацией капитала, а относительной. Не важно, какая доля акций принадлежит данному конкретному капиталисту в масштабах страны, важно, какой процент ему принадлежит в каждом конкретном предприятии. В СССР часто писали, что «только 1 % населения США в 1929 владел 65,6 %, а в 1953 — 76 % совокупного акционерного капитала» (БСЭ, 3-е изд., статья «Народного капитализма теория»). Однако, в современном среднем и крупном бизнесе владелец контрольного пакета акций, т. е. собственник предприятия в полном смысле этого слова, стал редкостью. Даже владельцев блокирующих пакетов осталось немного. Вот, например, типичный российский банк с соответствующим названием «Россия»: самый крупный пакет акций банка принадлежит Юрию Ковальчуку (30,4 %), другими крупными пакетами владеют Николай

Шамалов (12,6 %) и Дмитрий Горелов (12,6 %), «Трансойл» (9,6 %) и «Северсталь-групп» (7,2 %). 5,99 % банка принадлежит дочерней инвесткомпании АБ-РОС. 21,6 % контролируют «другие акционеры», чьи имена и названия не раскрываются. («Коммерсантъ», № 226 (4281) от 03.12.2009). Контрольного пакета, как такового, нет, а чтобы получить простое большинство акций, три крупнейших акционера должны объединиться.

В работе В. Лисичкина и Л. Шелепина «Третья мировая информационно-психологическая война» (1999 г.) приводится следующий факт: в компании «Дженерал моторс» вклад любого акционера меньше 1 % от общего капитала, а число акционеров больше миллиона. В подобной ситуации менеджмент поистине всемогущ, что косвенно подтверждается статьей «Детройтский АвтоВаз» (Б. Власик, сайт slon.ru): в GM любое изменение в продуктовой линейке должны были визировать примерно 70 (!) топ-менеджеров.

Можно констатировать, что широкое акционирование и диффузия акций, характерные для монополистического капитализма, обернулись своей диалектической противоположностью. За видимостью повсеместного торжества частной собственности скрывается экспроприация «по-капиталистически», утрата большинством акционеров возможности управлять своим состоянием и возрастание значимости бюрократии. Частная собственность в большой степени перестала быть частной, акции не принадлежат полностью никому из тех, кто имеет к ним отношение. А раз так, то бюрократ не просто равновелик собственнику, но сильнее его, потому что владелец акций от собственности далеко, а бюрократ рядом. Следствием изменения отношений собственности на средства производства неизбежно должно было стать и стало изменение производственных отношений. Общество статуса родилось там, где исчез или ослаб главный институт предыдущего, капиталистического общества — частная собственность.

V

Первой «ячейкой» производственных отношений, основанных на неравенстве статуса, а не собственности, стала Советская Россия. В течение короткого

времени после Октябрьской революции, менее чем за год, управление политической и экономикой перешло в руки новых кадров. В качестве средства принуждения эти кадры, в основном, использовали открытое насилие. Но было бы неверным утверждать, что претензия революционной власти на руководство была подкреплена только винтовкой и маузером. На самом деле, в Советской России произошло событие огромного нравственного значения: властью было провозглашено, что отныне социальный статус человека определяется не тем, что ему принадлежит, а его полезностью для других. В соответствии с этой полезностью общество брало на себя право и обязанность обеспечивать индивидуума материальными благами.

Такой подход был естественным для страны, в которой жертвенное служение общему благу почиталось испокон веков. Это стало одной из причин, по которым революция увенчалась успехом — декларируемые революцией принципы совпали с нравственным чувством если не всего трудящегося населения, то наиболее активной его части. Через некоторое время, после неизбежных сомнений и острой реакции на сопровождавшую политические потрясения жестокость, новая социальная концепция была принята остальными.

Статус, изначально присвоенный Советской властью, был, в целом, заслуженным. Большевики восстановили территориальную целостность страны, отразили интервентов и присвоили себе за это незначительные, по сравнению с прежним правящим классом, льготы и привилегии. В обстановке всеобщей разрухи привилегии были неизбежны. Л. Д. Троцкий пишет, что в те годы существовала «необходимость взять у 10 и дать одному», что будущая социалистическая бюрократия сформировалась из «привилегированных групп, наиболее нужных для обороны, для промышленности, для техники и науки» («Преданная революция»). Идеал нового общества предусматривал строгую централизацию производства и распределения вместо характерной для капитализма анархии. Соответственно, «обособилась и выросла могущественная каста специалистов по распределению. из социальной нужды вырастает орган, который перерастает социально-необходимую функцию, становится самостоятельным фактором и,

вместе с тем, источником великих опасностей для всего общественного организма» (Л. Д. Троцкий, там же). К этим цитатам можно добавить, что нужда явилась лишь одной из причин разрастания советской бюрократии. Другой причиной бюрократизации молодой республики стал скачкообразный рост сложности задач, которые должен был решать советский аппарат по сравнению с дореволюционным. Во-первых, в его ведение перешел огромный сектор хозяйства, ранее управлявшегося частными владельцами. Во-вторых, текущие задачи бесконечно усложнялись разрухой и голодом. В-третьих, еще в ходе гражданской войны Советское правительство поставило задачу технического перевооружения производительных сил, что уже в 1920 году вылилось в план ГОЭЛРО, а позднее — в процесс индустриализации. Соответственно требованиям времени, были созданы многочисленные планирующие органы во главе с Госпланом. Такая структура управления экономикой, в основных чертах, сохранялась до 1991 г. Одновременно с ней, пересекаясь в каждом звене, существовал аппарат Коммунистической партии, а продолжением этих двух аппаратов была производственная бюрократия. Столь громоздкая система, однако, была для своего времени большим достижением, так как позволяла использовать имеющиеся у общества ресурсы в целом более рационально, чем при капитализме.

Продолжением достоинств нового управления стали недостатки. Управленческий аппарат рос, как на дрожжах. В работе Д. О. Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» приводятся следующие данные. С осени 1918 г. до начала 1920 г. аппарат Всероссийского Совета народного хозяйства увеличился с 2,5 тыс. до 24 тыс. служащих. Помимо этого, в губернских совнархозах насчитывалось 93,6, а в уездных — 106 тыс. человек. Таким образом, всего в системе совнархозов было задействовано 224 тыс. человек. Это примерно совпадало с количеством занятых тогда во всей текстильной промышленности (240 тыс.). Процессы бюрократизации привели к тому, что в годы Гражданской войны наиболее быстро рос профсоюз служащих. Если в первой половине 1918 г. в его рядах насчитывалось всего около 50 тыс., то к началу 1920 г. — 550 тыс., а к июлю 1921 г. — 1 млн. 67 тыс. человек.

Многочисленный аппарат обернулся инструментом присвоения статуса. Привилегии множились вне связи с квалификацией управленцев, распространялись на их родственников и знакомых. В этом нет какой-то изначальной порочности большевиков. Основная причина является объективной, она суть естественное стремление человека жить все лучше и лучше. В ситуации, когда от дополнительного куска хлеба зависит твоя жизнь и жизнь твоей семьи, самая строгая совесть не склонна считать привилегии большим прегрешением.

Первоначальный состав советского аппарата был чрезвычайно пестрым. Наряду с идейными коммунистами, в него влилось много случайных элементов и изрядное количество дореволюционного чиновничества с уже сформировавшимися бюрократическими традициями. Это также наложило свой отпечаток на последующие процессы. Но главной причиной стремления советской бюрократии к превращению в новый эксплуататорский класс является тот печальный, но неоспоримый факт, что при наличии возможности эксплуатации она обязательно появляется. В одной из ранних марксистских работ, в «Принципах коммунизма» Ф. Энгельса (1847 г.), обосновывается неизбежность эксплуатации до определенного момента развития производительных сил: «Пока нельзя производить в таких размерах, чтобы не только хватало на всех, но чтобы еще оставался избыток продуктов для увеличения общественного капитала и дальнейшего развития производительных сил, до тех пор должен всегда оставаться господствующий класс общества, и другой класс — бедный и угнетенный». К счастью, от формации к формации возможности для эксплуатации сокращаются, а отношение к ней становится все менее терпимым.

Теме борьбы с бюрократией посвящено большинство статей В. И. Ленина в последние годы его жизни. «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» («Лучше меньше, да лучше», 1923 г.). Здесь В. И. Ленин связывает распоясавшуюся бюрократию с на-

следуем предыдущего режима, что, по всей видимости, должно было убедить читателей (или даже самого автора) в возможности быстрой победы над новым злом. «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и на неответственном) советском посту. От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся» («О международном и внутреннем положении», 1922 г.). В качестве главного средства борьбы с бюрократией Ленин предлагает использовать «лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести» («Лучше меньше, да лучше»). Конкретные организационные меры представляли собой объединение партийных и советских органов (например, Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) с Центральной Контрольной комиссией партии) и сокращение, за счет этого, значительной части аппарата. Ленинские идеи были реализованы, но не привели к заметному снижению бюрократизации. На тот момент в советском обществе отсутствовали социальные группы, антагонистичные бюрократии. «Передовые рабочие» 20-х годов имели непримиримое противоречие с буржуазией и разрешили его в ходе революции, но не имели такового с вновь обретенными начальниками. В своей борьбе пролетариат преследовал совершенно конкретные цели: обеспечение постоянной занятости, повышение статуса, уверенность в завтрашнем дне и возможность социального роста путем получения бесплатного образования. Новая власть постепенно решала эти проблемы и относилась к пролетариату с должным уважением. Право принятия решений (а, соответственно, и власть) на местном и на государственном уровне было необходимо рабочим не как самоцель, а как средство удовлетворения насущных запросов. Косвенным подтверждением этому являются основные направления деятельности фабрично-заводских комитетов в начале 1918 г. Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) были первичными органами самоуправления пролетариата, стихийно возникшими после буржуазной революции 1917 г. Буквально за несколько ме-

сяцев фабзавкомы взяли под контроль большую часть промышленных предприятий. В упоминавшейся выше работе Д. О. Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» указывается, что наиболее частыми, до 45 %, были случаи рабочего самоуправления, связанные со снабжением предприятий. Затем шла культурно-просветительская деятельность — 15 %. На контроль за наймом и увольнением приходилось 6 % внимания фабзавкомов. И, наконец, на последнем месте стоял самый могущественный рычаг управления производством — финансовый. Им комитеты интересовались не более чем в 3 % случаев.

Пролетариат не горел желанием вступить в новую схватку с теми, кто не был его непосредственным врагом. С конца октября 1917 г. правительство большевиков постепенно урезало права и полномочия комитетов, стремясь подчинить их задачам максимальной централизации хозяйственной жизни. Деятельность правительства, вкупе с экономическими трудностями, вызвала в 1920—21 годах ряд забастовок, руководимых фабзавкомами. Но эти забастовки не шли ни в какое сравнение с забастовками 1917 г., во время которых рабочие боролись со своими прямыми эксплуататорами. Более того, в 1923—25 г. г. новая волна протестов требует усиления государственного воздействия на экономику в противовес нэпманам, т. е. вернувшейся из небытия буржуазии. В результате интересы пролетариата постепенно пришли в равновесие с интересами бюрократии. Пролетариат получил желаемое, пусть и не в форме рабочего самоуправления. Наиболее энергичные и образованные рабочие стали пополнять ряды бюрократии, интересы остальных в достаточной степени представляли профсоюзы.

Хотя попытки остановить бюрократизацию Советской республики оказались безуспешными, власть бюрократии была, все же, поставлена в какие-то рамки. Ограничениями служили заложенные при В. И. Ленине моральные нормы, регламентирующие поведение членов Коммунистической партии. А поскольку для достижения высоких постов необходимо было быть коммунистом, бюрократам приходилось, как минимум, изображать выполнение «заветов Ильича». Все, что существенно выходило за образ жизни самого В. И. Ленина —

избыточное потребление дефицитных товаров, удовольствие издеваться над подчиненными, стремления устроить детей на теплые местечки — требовалось тщательно скрывать. Бюрократ уподоблялся подпольному миллионеру Корейко из «Золотого тельца»: он имел статус, но не мог его полностью использовать.

Зато советская бюрократия, в отличие от западной, не имела конкурента в лице медиакратии. Все средства массовой информации, вся печатная продукция проходили через цензуру, подчинявшуюся идеологическим органам партии. С начала 30-х годов отсутствовала даже мелкая буржуазия, на борьбу с которой бюрократии пришлось бы тратить известные силы. Таким образом, отечественный суперстатусный класс формировался в тепличных условиях, что сильно ускоряло процесс.

Превращение советской бюрократии в новый правящий класс было объективным требованием истории, вытекавшим из развития производительных сил на основе использования все большего количества информации. Бюрократия была передовой силой, подчиняющей информатизацию своей воле и, тем самым, действовавшей в интересах всего общества, подобно буржуазии эпохи становления капитализма. До поры, до времени польза от молодой и энергичной бюрократии превосходила издержки.

VI

В западном мире также шли процессы складывания новых производственных отношений. Но там они прорастали «снизу», оставаясь долгое время скрытыми на фоне казавшегося незыблемым господства буржуазии. Практически никто не замечал, что по мере роста концентрации капитала капитализм начинает отрицать сам себе, передоверяя наемному управленческому персоналу одну за другой функции, которые раньше были неотъемлемой привилегией хозяина.

В годы Первой мировой войны промышленности потребовалось гораздо больше ученых, инженеров, лаборантов и технологов, чем за всю предыдущую историю. В огромных количествах готовились врачи для фронта, где сотни ты-

сяч раненых умирали без медицинской помощи и элементарной гигиены. Для обучения миллионов специалистов понадобилось соответствующее количество преподавателей.

После завершения войны количество работников названных профессий продолжало увеличиваться. Во всех странах шла вторая волна индустриализации — переход к электричеству и двигателям внутреннего сгорания, к радио и самолетам. Великая депрессия ненадолго снизила на Западе потребность в научно-технических и педагогических работниках, но подготовка к новой войне выправила ситуацию. Одновременно Великая депрессия резко усилила вмешательство государства в экономику, создав новые рабочие места для профессиональных управленцев. Продолжали развиваться многопрофильные гигантские корпорации, внутри которых формировалась собственная бюрократия. Их филиалы, отделения и отделы были организованы по уже имеющемуся образцу государственной бюрократии.

Империалистическая конкуренция раскрутила маховик гонки вооружений, победу в которой мог одержать только тот, кто тратил на военно-промышленные исследования огромные суммы, и тратил их наиболее эффективным образом. Для упорядочения этого процесса в разных странах в начале 20 века стали организовываться государственные (или со значительной долей государственного финансирования) исследовательские учреждения нового типа. Эпоха частных лабораторий, ведущих свою родословную от кельи монаха-алхимика, закончилась. Бюрократия вторглась в новую для себя область — в управление научными исследованиями, и добилась в ней впечатляющих успехов. Вершинами «бюрократической науки» стали атомные и космические проекты различных держав, включая первый спутник и полет Гагарина. На Западе в крупных компаниях также были организованы собственные научно-исследовательские институты, жестко контролируемые корпоративной бюрократией, как в части направления исследований, так и расходования средств. Эти институты и лаборатории стали первыми очагами антагонистических про-

тиворечий инженеров и ученых с бюрократами, что долго не замечалось обеими сторонами и считалось личными конфликтами.

В отличие от СССР, на Западе формировался полноценный корпоративный класс, включающий не только бюрократию, но и медиакратию. К 30-м годам прошлого века в США и Европе уже наличествовали мощнейшие газетные концерны, к которым добавились первые радиокорпорации (BBC и др.) и киностудии. Поначалу работники СМИ не пользовались самостоятельностью и были вынуждены проводить информационную политику своих хозяев. Однако, по мере ослабления института частной собственности, росло влияние как менеджмента газет и радиостанций, так и известных журналистов, обозревателей, дикторов и актеров. Эти люди составили ядро будущей медиакратии.

Все формирование бюрократической машины проходило под их пристальным наблюдением и сопровождалось острой критикой. Государственная бюрократия не оставалась в долгу и тоже использовала СМИ для влияния на общество — достаточно вспомнить знаменитые радиообращения президента США Ф. Рузвельта. Постепенно общественное сознание менялось в направлении, благоприятном для образования общества статуса. Пример Советского Союза сделал лозунг «Каждому — по труду» весьма популярным. Распределение по статусу и распределение по труду — вещи сами по себе не совпадающие, но внешне похожие, особенно если под статусом понимать действительно заслуженное высокое место в обществе. Для рабочего бюрократ, особенно мелкий, был лучше капиталиста хотя бы тем, что тоже работал за жалование.

В жестокой классовой борьбе трудящимся удалось вырвать у буржуазии некоторые улучшения своего положения — пенсию по старости, повышение зарплаты, медицинскую страховку — но воплощать их в жизнь должны были опять-таки бюрократы из различных пенсионных и страховых фондов. Государственная бюрократия оказалась единственной силой, способной противостоять Великой депрессии и спасшей миллионы людей от голодной смерти. Так сама жизнь готовила людей к принятию общества статуса еще до того, как оно было оформлено политически и юридически.

VII

Не хочется писать о Сталине, а придется. «Феномен Сталина» стал пробным камнем, на котором проверяется беспристрастность историка. В последнее время образ Сталина перестал изображаться только черной краской, но появилась другая, не менее скверная тенденция к его безоглядному славословию. Самым худшим является то, что обе спорящие стороны уклоняются от главной задачи исследования эпохи — выявления объективных процессов, сделавших возможным сталинское самодержавие.

Период, когда И. В. Сталин определял внутреннюю и внешнюю политику Советского государства, относительно короток, всего четверть века с конца 20-х по 1953 год. Исторические процессы этого времени определялись послереволюционным раскрепощением энергии народных масс и направлением этой энергии на созидательные задачи. Энтузиазм и уверенность в завтрашнем дне не были обманом официальной пропаганды. Десятки миллионов людей чувствовали себя хозяевами своей судьбы и страны. Бюрократия не была здесь исключением и имела на подобное чувство наибольшие основания. К сталинскому периоду бюрократия подошла готовой к окончательному превращению в новый эксплуататорский класс. Для этого ей было необходимо запустить механизм передачи накопленного статуса от отцов к детям, от «комиссаров в пыльных шлемах» к «золотой молодежи» 30-х годов. Примером такой молодежи могут служить, кстати, дети самого И. В. Сталина от второго брака. Однако в среде бюрократии царил жесточайшая конкуренция. С одной стороны, СССР был бедным государством и не мог предложить бюрократии желаемое количество материальных благ. Поэтому более-менее значительное количество дефицитных товаров и услуг было доступно только самым высоким этажам административной пирамиды. С другой стороны, размах и сложность стоящих перед страной задач требовали все большего наращивания управленческого аппарата, прежде всего, за счет молодых и энергичных представителей рабочего класса и крестьянства. «Новобранцы» напирали на уже существующую бюрократию снизу, используя любую возможность для продвижения по службе. А поскольку, в силу происхождения и

воспитания, они в большинстве хотели искренне служить «первому в мире государству рабочих и крестьян», то прилагали все усилия к выполнению порученных задач, то есть не только присваивали, но и честно зарабатывали свой статус. Это давало молодой бюрократии немалые преимущества в борьбе за власть. Ситуация обострялась тем, что пользование накопленным статусом должно было быть скрытным, не нарушающим официальную идеологию бескорыстного служения Родине.

Особую решительность внутренней бюрократической борьбе придавала сохранившаяся со времен гражданской войны мощь карательных органов. В 30-х годах мягкость все еще была синонимом слабости. К ГПУ-НКВД апеллировали все без исключения бюрократические группировки, и даже простое выживание на ответственном посту стало вопросом удачи.

Можно считать определенным везением (для страны в целом, но не для отдельных людей), что на энергичную бюрократическую толкотню наложились ум, воля и нравственные представления И. В. Сталина. В Сталине мы имеем пример диалектического взаимодействия субъективного и объективного, взаимовлияния личности и исторического процесса. Еще в годы гражданской войны И. В. Сталин убедился в эффективности административных методов руководства и стал знатоком как возможностей, так и сопутствующих недостатков бюрократии. С тех пор всю оставшуюся жизнь он старался дать возможностям проявиться, а недостатки, наоборот, свести к минимуму. Первое удалось, второе — не очень.

Эффективность сталинской бюрократии определялась тем, что она все время находилась в стадии активного накопления статуса, но не успевала воспользоваться его выгодами. Каждого администратора подпирала снизу вереница деятельных и квалифицированных заместителей, очень помогавших шефу в работе, но готовых немедленно занять его место, как только оно освободится. И, зачастую, прилагавших немалые усилия, чтобы оно освободилось пораньше. Такое положение сложилось объективно, в силу описанной бюрократической конкуренции, а не злой воли И. В. Сталина. Его роль состояла в задании крите-

риев, определявших возможность грядущих должностных перемен. В качестве таких критериев выступали потребности большинства населения СССР, желавшего жить в богатой, технически развитой, защищенной стране. С нашей точки зрения, основная историческая заслуга И. В. Сталина состоит именно в неразрывной связи оценки деятельности бюрократии с правильно понятыми интересами народа. Как только работа администратора, на деле или в превратном изложении соперников, замедляла продвижение управляемого им процесса в направлении сформулированных Сталиным целей, виновный лишался должности, статуса, а то и жизни.

При И. В. Сталине превращение бюрократии в класс так и не состоялось, поскольку не успевала происходить передача статуса по наследству. Передавалось лишь клеймо ЧСИР — «член семьи изменника Родины». Зато еще не попавшие под репрессии работали на благо страны с удвоенной энергией. Обратной стороной запущенного социального механизма не могли не стать гигантские масштабы доноительства, клеветы и ложных обвинений. Ощущавший над собой занесенный меч репрессий стремился направить его на другие жертвы. Клевета позволяла ускорить карьерный рост, чтобы впоследствии самому быть оклеветанным. Порядочность делала человека неконкурентоспособным на высоких постах (были, разумеется, и исключения). Репрессии выплескивались далеко за пределы бюрократического сообщества, захватывая все социальные группы.

Несмотря на то, что И. В. Сталин считал интересы отдельного человека менее значимыми, чем интересы общества в целом, размах репрессий, видимо, ужасал его самого. По крайней мере, он несколько раз затевал кампании по реабилитации безвинно пострадавших и наказанию виновных в необоснованных приговорах. Но, видимо, Иосиф Виссарионович сознавал или инстинктивно ощущал, что «перегибы» являются неотъемлемой диалектической противоположностью столь необходимой ему и всей стране административной эффективности.

Для нас, живущих через 70 лет после этих событий, важно понимать их объективную, независящую от личности И. В. Сталина, природу. Если бы во внутрипартийной борьбе 20-х годов победили сторонники Л. Д. Троцкого или «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, А. М. Коллонтай и др.), то развитие событий отличалось бы только в деталях. Правила бы все равно бюрократия, как самая организованная и передовая социальная сила своего времени. А еще нам следует понимать бесперспективность часто звучащих призывов вернуться к сталинским методам управления страной. Бюрократия давно стала классом и настолько упрочила свое положение, что конкуренция внутри нее уже никогда не достигнет прежней остроты. Непримируемое устранение соперников уступило место договоренностям и компромиссам. Соответственно, стимулы для надлежащего исполнения обязанностей уже никогда не окажутся по-сталински весомыми. Зато угроза безвинно пострадать никуда не денется. Поэтому борьба сейчас должна вестись не за эффективность бюрократии, а с бюрократией как таковой.

В годы правления И. В. Сталина в СССР шли процессы активного формирования фор-класса. Миллионы рабочих и крестьян получали образование и становились инженерами, учеными, врачами и учителями. Но это был период количественного роста, накопления «критической массы». До осознания особых классовых интересов дело пока не доходило. Мировоззрение новых социальных групп мало отличалось от официального, а размах решаемых технических и научных задач позволял беспрепятственно (за исключением пострадавших от репрессий) реализовать свои дарования при достойном уровне материального обеспечения. По данным С. Волкова («Интеллектуальный слой в советском обществе», цитируется по публикации на сайте www.samizdat.ru), в 1940—50 г. г. средняя заработная плата инженерно-технических работников промышленности превышала среднюю зарплату промышленных рабочих примерно в 2 раза, заработная плата научных работников — примерно в 1,5 раза. Средний заработок управленцев и работников просвещения, по тем же данным, мало отличался от заработка рабочего, но следует иметь в виду, что административные работники

могли пользоваться некоторыми вещественными благами, которые нельзя было купить за деньги. К таким благам относились приоритетное получение жилплощади, доступ к дефицитным продуктам питания и др.

Не получила в те годы развития и медиакратия. «Инженеры человеческих душ» находились под жестким бюрократическим контролем, сам И. В. Сталин уделял немало внимания тому, что в стране пишется, снимается и играется. Впрочем, неким аналогом медиакратии можно считать идеологических работников партии. В конце сталинского периода они пытались оказывать давление на зарождающийся фор-класс, объявляя те или иные научные направления «буржуазными» и «чуждыми», вплоть до организации настоящей травли ученых.

Часто пишут, что в сталинские времена принципы социализма были «искажены». При этом неявно предполагается, что где-то и когда-то должен возникнуть «настоящий», «подлинный» социализм, о котором писали классики марксизма и который так и не смогли построить в СССР. При таком подходе социализм навсегда превращается в «сферического коня в вакууме», поскольку, чем дальше от нас уходят времена Маркса и Энгельса, тем менее точными становятся прогнозы из «Критики Готской программы». Поэтому мы считаем, что реальным социализмом следует считать советское общество и все близкие к нему (китайское, кубинское, корейское), а их недостатки, в частности, классовость, надо признать имманентно присущими данной общественной формации. Как мы писали в предыдущей статье, социализм представляет собой понтуализм с минимальными пережитками госкапитализма и строгими моральными ценностями, затрудняющими статусное присвоение.

Говоря о И. В. Сталине, нельзя обойти вниманием неприятную тему фашизма. Чтобы не вдаваться в классификацию социальных экскрементов, мы будем под фашизмом разуметь не только собственно итальянский фашизм, но и германский национал-социализм, испанский фалангизм и им подобные режимы. В настоящее время часто высказывается мнение, что все они имеют много общего со сталинским СССР. Это в корне неверно. Не отрицая сходства ряда со-

циальных явлений (господство одной политической партии, мощный репрессивный аппарат и т. п.), нужно указать на принципиальное различие классового содержания советского и фашистского обществ. В СССР буржуазия была уничтожена как класс и бюрократия правила без союзников. Нарождающийся фор-класс подвергался статусной эксплуатации только со стороны своего прямого противника, что позволяло самому передовому социальному противоречию проявляться во всей полноте и способствовало ускорению общественного развития. Соответственно, советское общество было прогрессивным в силу своей природы. В фашистских странах имел место союз государственной бюрократии с буржуазией, направленный против всех категорий трудящихся, как пролетариев, так и работников умственного труда. Это делало угнетение крайне тяжелым и затруднило бы, просуществовав фашизм достаточно долго, переход к более прогрессивной формации. Поэтому фашизм был реакционным вариантом общества статуса, его историческим тупиком.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что при И. В. Сталине отечественная бюрократия так и не сумела окончательно оформиться в класс, а другие «информационные» социальные группы отстояли от этого еще дальше. Пролетариат и крестьянство, избавленные от борьбы с буржуазией и помещиками и, в значительной степени, достигшие своих социальных целей, также стали терять классовое сознание и единство, иными словами, деклассировались. Большое число рабочих и крестьян перешло в другие социальные группы. Поэтому мы можем считать достаточно справедливым официальный тезис тех времен, в соответствии с которым в СССР было построено бесклассовое общество. Ненадолго.

VIII

После смерти И. В. Сталина советская бюрократия за 10—15 лет окончательно оформилась в полноценный класс. Отныне сын начальника становился начальником с гораздо меньшими хлопотами, чем его более способные, но суб-статусные сверстники. «Может ли сын генерала стать маршалом? Нет, не может.

У маршала есть свой сын». Завершение формирования суперстатусного класса совпало по времени с окончательным переходом производительных сил от индустриальных к постиндустриальным. Как следствие, в те же 60-е годы первый всплеск активности наблюдается на противоположном социальном полюсе. Инженеры и ученые осторожно осознают себя в чем-то отличными от остального населения. Впрочем, не только они. В период «оттепели» о себя заявляют первые зародыши советской медиакратии, возникшие вокруг модных журналов, театров и в кинематографе. Различие мировоззрений социальных групп, выделившихся из безликой «интеллигенции», принимает характер дискуссии между «физиками» и «лириками». В обществе, достигшем после полета Гагарина передовых рубежей технического прогресса, «физики» пока что являются фаворитами. Безымянные «Главный конструктор» и «Главный теоретик» представляются всемогущими. Все знают первых космонавтов, но, в лучшем случае, трех-четырёх членов Политбюро.

На Западе в те же годы происходит «революция менеджеров». Количество управляющего персонала возрастает. Бюрократическое управление наукой и техникой приносит блестящие плоды. Развитие производительных сил вкупе с неокOLONиальной эксплуатацией «третьего мира» позволяет политикам развитых стран не без оснований заявлять о появлении «общества всеобщего благосостояния». Если в этих словах и есть преувеличение, то не большее, чем в обещаниях в самом скором времени построить коммунизм. Трудящиеся Америки, Западной Европы и Японии наконец-то в полной мере начинают пользоваться социальными льготами, о которых раньше они только слышали в рассказах об СССР.

С появлением телевидения окончательно формируется медиакратия. Ведущий, которого каждый день видят миллионы, обретает гораздо больший статус, чем никому не известный владелец телеканала. Хозяин, конечно, может уволить ведущего, но от этого прогадает сам, а того охотно примут на конкурирующем канале. Поэтому наемный менеджер телеканала сделает все, чтобы ведущий остался в неприкосновенности. Поддерживая друг друга, медиакраты

достигают власти, которую уже можно не скрывать. «Ричард М. Коуэн (Richard M. Cohen), главный продюсер политических новостей корпорации CBS, сказал: «Мы будем подавать новости в выгодном нам ракурсе и рассказывать о том, что мы считаем нужным». Ричард Салант (Richard Salant), бывший президент отдела новостей той же CBS, так же недвусмысленно заметил: «Наша работа заключается в том, чтобы подать людям не то, что они хотят, а то, что, на наше усмотрение, они должны получить» (В. Фридман, «Социалистические штаты Америки», 2006 г.).

Реальность общества статуса окончательно фиксируется в общественном сознании. Только самые консервативные политики рискуют отрицать, что бизнес должен нести многочисленные обязательства перед обществом. Быть физиком-ядерщиком, инженером или программистом становится и престижнее и выгоднее, чем владельцем бутика. Тысячи мелких бизнесменов разоряются, а спрос на работников интеллектуального труда превышает предложение (что, в силу неравномерности развития различных отраслей, не исключает появления безработных инженеров и профессоров). За короткое время меняются представления о значимости и выгоды профессий и рода занятий, жизнь отрицает привычную связь материального благосостояния как основы с положением в обществе как следствием. Реакцией на изменение картины мира становится диалектическое отрицание причинной связи «благосостояние приносит статус» на обратное «статус дает благосостояние». Происходит психологическая нормализация сложившейся ситуации.

Вместе с признанием новых реалий у людей изменяются моральные ценности в направлении допустимости присвоения статуса. Соответствие ценностей господствующему способу социального роста, по-видимому, является нормальным явлением для всех времен. Пока общественно-экономическая формация не вступила в полосу кризиса, характерный для нее способ эксплуатации не считается безнравственным, в лучшем случае критикуются отдельные, выходящие за всякие рамки эксцессы. При феодализме рыцари были окружены не заслуженным презрением, как разбойники и убийцы, а ореолом куртуазности. При

капитализме большинство не осуждало присвоение чужого труда. Соответственно, при пон-туализме снизился нравственный барьер презрения ко лжи, клевете, подлости и безудержному самовосхвалению. В кривом зеркале СМИ, многократно усиленном всеобщей грамотностью и потребностью в информационных благах, абсолютно все, занимающие высокое место в обществе, получают его благодаря уму, таланту, добродетели и т. п. Через неделю список «достойных» обновляется, но на это никто не обращает внимания. Главное, что очередные герои дня занимают место и получают свою долю общественного пирога якобы по праву. За короткий срок медиакратия может «раскрутить» любого человека и социальную группу или, наоборот, втоптать их в грязь. Об этом много говорят, но не считают принципиально неприемлемым. То же самое относится и к межличностным взаимоотношениям — поединки чести пока не в чести.

Если искать законодательные вехи торжества понтуализма в западном мире, то нельзя пройти мимо отмены Бреттон-Вуддских соглашений в 1973 г., когда доллар перестал обмениваться на золото и утратил функцию эквивалента стоимости. Это стало завершающим аккордом в агонии знаменитого закона стоимости, бывшего некогда основой капиталистического рынка. Отныне курс любой валюты и, соответственно, цены на товары являются, в принципе, произвольными, а на деле зависят от международного статуса государства-эмитента. В «пост-бреттон-вудской» экономике любой обмен является неэквивалентным по своей сути, не имеющим никакого отношения к вложенному в производство обмениваемых товаров труду. Для поддержания стабильности необходимы многочисленные экономические и неэкономические регуляторы, находящиеся вне частнопредпринимательской системы. Эти регуляторы мы наблюдаем в виде развитого экономического законодательства, структур, имеющих целью следить за его выполнением, налоговых служб и т.п. В СССР, наоборот, любой товарообмен (за исключением тех случаев, когда ценовая политика должна была способствовать развитию отрасли или гарантировать доступность товаров населению) пытались сделать строго эквивалентным на основе трудовой теории стоимости, что вело к такому же количеству управляющих органов.

Противоположности сошлись. Мировая революция, о неизбежности которой говорили большевики, свершилась. Две общественно-политические системы, социалистическая и якобы капиталистическая, отныне представляли собой два варианта общества статуса. Капитализм в передовых странах Запада скончался не на поле боя, а в своей постели. Впрочем, в развивающихся странах он до сих пор продолжает существовать. Для этих стран мир мало изменился, разве что вместо эксплуататоров-капиталистов на неэквивалентном товарообмене между севером и югом наживаются эксплуататоры-бюрократы.

Однако было бы неверным утверждать, что советский и западный понтуализм были, за исключением идеологического декора, идентичными. В СССР общество статуса было «чистым», на Западе — отягощенным многочисленными пережитками капитализма. С точки зрения исторического материализма, советский понтуализм был более прогрессивным. Соответственно, он находился ближе к переходу на более высокую ступень исторического развития. А поскольку такой переход невозможен без всеобъемлющего кризиса, СССР быстрее приближался к кризису, чем США или Западная Европа.

IX

Основной причиной кризиса СССР стала невозможность бюрократического управления производительными силами. Невозможность имела два аспекта — объективный и субъективный. Объективный аспект заключался в сложности задачи: «в бывшем СССР ассортимент продукции химической промышленности составлял 100 тыс. наименований, укрупненная номенклатура выпускаемых машин — 100 тыс. единиц, полное разнообразие изготавливаемых машиностроительных деталей достигало 1 млрд. А вся номенклатура форм и размеров изделий, освоенных к 60-м годам ... не менее 10 млрд. наименований» (Чернов А. Ю. «Перспективы создания самовоспроизводящихся автоматических систем», рукопись, 1994 г.). Субъективный аспект состоял в том, что превратившаяся в эксплуататорский класс бюрократия употребляла власть для решения собственных, а не государственных задач. Кроме того, свое влияние оказывало

упоминавшееся выше снижение эффективности административного управления в условиях общества статуса.

Неудивительно, что в советских производительных силах возникало несоответствие потребностей и возможностей. Это вело к относительно небольшому, но постоянному и повсеместному дефициту. Дефицит любого товара, взятый в отдельности, легко устранялся, но вместо него возникал другой. С одной стороны, провинция страдала от недостатка самых простых, действительно необходимых для жизни вещей. С другой стороны, в обществе, основанном на присвоении статуса, дефицит привел к появлению статусных благ. Главной особенностью статусных благ была ограниченность доступа — они либо вообще не продавались, либо продавались только по блату. Статусные блага пользовались особым спросом в крупных городах. Товары из «Березки», туристические путевки в другие страны, даже почтовые каталоги зарубежных фирм имитировали «избранность» и несколько повышали реальный статус владельца. Жажда обладания статусными благами была неудовлетворима даже теоретически, поскольку разница в потреблении между двумя индивидуумами должна была соответствовать разнице их статусов. Следовательно, как только какой-то товар переходил из разряда престижных в товары широкого потребления, его место немедленно занимал новый. На практике же было невозможно устранить дефицит не только статусных, но и необходимых товаров, хотя общий уровень обеспеченности населения неуклонно повышался. Разгадка этого парадокса кроется в особенностях советской системы планирования «от потребности», принятой еще на заре советской власти. Поскольку потребность в товарах массового спроса на год вперед точно определить невозможно, Госплану приходилось ориентироваться на дефицит или профицит за предыдущий период, то есть дефицит был, в известной степени, необходим для управления экономикой. Решением проблемы могло бы быть избыточное планирование с гарантированным резервом, но это не обеспечивалось производительными силами. И не могло быть обеспечено в будущем, поскольку конфликт бюрократов с инженерами и учеными постепенно замедлял советский технический прогресс, вел и привел к «за-

стою». Этот же конфликт делал проблематичным успешное противостояние СССР блоку НАТО, лежавшее в основе советской внешней политики.

К 70-м годам XX века в СССР оформилось несоответствие производительных сил производственным отношениям, основанным на присвоении статуса. Требовался многократный рост производимого продукта (хотя и он бы не перекрыл потребность в статусных благах), но одновременно развитие производительных сил неуклонно тормозилось. Не побоимся громких слов — в стране постепенно назревала революционная ситуация. Она могла разрешиться в двух направлениях, прогрессивном и реакционном. В прогрессивном варианте было бы уничтожено или максимально ограничено присвоение статуса при общем сохранении статусного распределения. Это открыло бы возможности широчайшего развития производительных сил, прекратило эксплуатацию фор-класса, радикально уменьшило потребность в статусных товарах и позволило бы обществу перейти к следующей формации, к коммунизму. В реакционном варианте полностью или частично уничтожалось само распределение по статусу с заменой его капиталистическими производственными отношениями, то есть общество отступало к предыдущей формации. Был и третий путь — «законсервировать» ситуацию и попытаться максимально улучшить сложившуюся систему управления хозяйством. В этом направлении предпринимались многочисленные попытки, вплоть до предложенной академиком В. М. Глушковым Общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС). ОГАС должна была оптимально распределять имеющиеся ресурсы на основе точного учета потребностей и, в идеале, могла бы свести дефицит нестатусных товаров к нулю. Нехватке статусных товаров она помочь, конечно, не могла. Создание ОГАС оказалось невозможным, так как отечественная электроника была в числе отраслей, в наибольшей степени тормозившихся конфликтом бюрократии с научно-технической социальной группой.

Революционная ситуация выражалась в нарастающем недовольстве как верхов, так и низов. Дальнейшие события 80-х и 90-х годов были следствием

сложного взаимодействия влияния и интересов различных классов и социальных групп.

В позднем советском обществе имелись следующие классы: корпоративный, фор-класс, пролетариат и крестьянство. Бюрократическая составляющая корпоративного класса окончательно сформировалась, как мы писали выше, к 60-м годам. С тех пор буквально за одно поколение советская бюрократия из прогрессивной превратилась в консервативную, а, следовательно, в неэффективную. Это контрастировало с прогрессивностью и эффективностью более молодой западной бюрократией и вело к самым неприятным последствиям в ходе глобального соперничества сверхдержав. Бюрократия была наиболее организованной частью советского общества, состоявшей из четырех групп: центральной, местной, производственной и национальной. Центральную бюрократию образовывал высший государственный и партийный аппарат, аппараты министерств и ведомств союзного значения. Ее главная цель в процессе разрешения революционной ситуации может быть определена как сохранение господствующего положения при уменьшении круга выполняемых обязанностей и, соответственно, снижении ответственности. Местная бюрократия представляла собой советскую и партийную бюрократию областного и районного уровня в пределах РСФСР, частично (в автономных республиках и краях) сливавшуюся с национальной. Интерес местной бюрократии состоял, во-первых, в повышении своей власти над производительными силами соответствующего района или области. Во-вторых, местная бюрократия жаждала карьерного роста с переходом в ряды центрального аппарата, что было затруднительно из-за отсутствия в нем свободных мест — «кремлевские старцы» уходить не торопились. Производственная бюрократия, впоследствии составившая корпус «красных директоров», тяготилась невозможностью обратить власть над производством себе на пользу. Строгая отчетность, государственный контроль над ценами и перечисление неиспользованной прибыли в госбюджет не оставляли для этого ни малейших лазеек. Соответственно, интересы производственной бюрократии в значительной мере противоречили интересам центральной и местной. Национальная бюрокра-

тия союзных и автономных республик хотела повысить свой статус до статуса центральной бюрократии. Тем не менее, при всей разнице интересов, советская бюрократия была едина в желании отменить жесткие нормы партийной этики, заставлявшие ее прятать свой персональный коммунизм за высокими заборами.

К началу 80-х годов советская медиакратия представляла собой довольно многочисленные группы творческой интеллигенции, образовавшиеся вокруг Союза писателей, Союза композиторов, телевидения, отдельных театров, журналов, издательств и соответствующих учебных заведений. Какой-либо другой организации, кроме профессиональной, она не имела, зато обладала целостной идеологией, основанной на декларировании духовного превосходства «творческих личностей» над «быдлом». Медиакратия хотела одного — свободы слова, причем только для себя. На этой почве медиакратия имела давнее противоречие с идеологическими структурами бюрократии, которое и решила в свою пользу при первых же дуновениях «гласности».

Медиакратия и, если брать шире, гуманитарная группа в целом, были источником и основной опорой активно формировавшейся контркультуры. Как и положено, контркультура была ориентирована на критику существующих порядков, позитивная же часть была развита значительно слабее. Можно отметить следующие направления советской контркультуры начала 80-х годов: диссидентское движение, экологическое движение, нетрадиционные для России религии, включая восточные культы, педагогические инновации, отдельные стили художественного творчества. Не рассматривая контркультуру в подробностях (интересующиеся могут обратиться, например, к работам А. В. Шубина), отметим только важные для дальнейшего изложения моменты. Во-первых, контркультура стала некоей общей идеологической базой «перестройки». Во-вторых, она, в значительной степени, была организационной базой тех процессов, которые в ходе «перестройки» инициировались «снизу». В этом плане контркультура представляла собой типичную сетевую структуру, организованную вокруг идей, а не людей, и, следовательно, устойчивую к любым ударам «сверху». В-третьих, построенная на отрицании официоза контркультура имела антитехни-

ческую и иррациональную направленность, поскольку техницизм и рационализм занимали значительное место в советской идеологии (а в нее попали из века Маркса и Энгельса).

На противоположном социальном полюсе тоже накопилось. К началу 80-х годов советский фор-класс можно считать сформировавшимся. Ученые/инженеры/учителя/врачи полагали себя относящимися к особой социальной общности, но по привычке продолжали называть ее «интеллигенцией». Дети обычно шли по стопам родителей и те, кто в то время находился в дееспособном возрасте, относились, как минимум, ко второму поколению советских работников умственного труда.

Фор-класс не имел общей идеологии, его наиболее сознательную часть составляла научно-техническая группа. Прекрасно понимая свою значимость для общества, она остро чувствовала обделенность всеми материальными благами — вещественными, информационными и этическими. В упоминавшейся книге С. Волкова «Интеллектуальный слой в советском обществе» показано, как, начиная с 60-х годов, постепенно исчезало преимущество инженеров и ученых в заработной плате. Если в 1968 году отношение зарплаты промышленных рабочих к зарплате ИТР составляло 0,68:1, то через 10 лет уже 0,86:1. Разрыв, ощутимый при И. В. Сталине, стремительно сокращался и, наконец, исчез. В 1985 году, в соответствии с данными справочника «Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник», средняя зарплата токаря 3 разряда (далеко не самого высокого!) составляла 267 рублей, зарплата фрезеровщика 3 разряда — 269 рублей. Слесарь механосборочных работ получал в среднем 268 рублей. А средняя зарплата в группе «Наука и научное обслуживание» — 202 рубля! Но ведь 1985 год — это апофеоз «холодной войны», когда, по здравому рассуждению, требовалось максимальное стимулирование науки и инженерного дела. В невоенных отраслях тоже имела место нерадостная для фор-класса картина. Средняя зарплата инженера-строителя в том же 1985 году составляла 204 рубля, а прораба — 294 рубля.

Традиционно представители фор-класса ставили информационные блага на одну ступень с вещественными. Дефицит книг воспринимался болезненнее, чем недоступность полукопченной колбасы. Самиздат и тамиздат считались в среде фор-класса совершенно естественными, дополнением служил настроенный на «Свободную Европу» приемник с самодельным усилителем из позаимствованных в родном институте деталей. Идиотская практика засекречивания всего и вся воспринималась как плевок в душу.

С этическими благами тоже все обстояло далеко не благополучно. Хотя важнейшее из них — возможность самореализации — было все еще доступно, но оно постепенно все более и более ограничивалось в пользу бюрократии. Замедление технического прогресса, кумовство, необоснованные привилегии научного и технического начальства, невозможность продвижения идей, не разделяемых руководством и т.п. создавали тяжелую атмосферу в КБ и НИИ. Декларированная в государственной идеологии преимущественная роль пролетариата воспринималась научно-технической группой чрезвычайно негативно. К чести фор-класса, негатив обычно не перерастал в конфликтные отношения с конкретными рабочими. Еще болезненнее фор-класс чувствовал напоминающие преднамеренное унижение попытки «стереть границы между умственным и физическим трудом» в виде принудительных экспедиций в колхозы и на овощебазы. В общем, фор-класс был справедливо недоволен положением дел в обществе. Реакция проявлялась в виде сдержанного фрондерства. Советские моральные ценности воспринимались в научно-технической среде несколько иронично, вроде теории флогистона, среди врачей и педагогов ирония была меньшей.

Недовольство рабочих и крестьян, составлявших большинство (но уже не абсолютное!) трудоспособного населения, касалось, в основном, вещественных благ. Им требовались ликвидация дефицита, повышение зарплаты и более справедливое ее начисление в соответствии с реальным трудовым вкладом каждого работника. Советские моральные ценности рабочих и крестьян полностью устраивали, так как изначально отражали интересы именно этих социальных групп. Хотелось только, чтобы заветы Ильича распространялись и на начальство.

Отдельную социальную группу образовывала общность торгашей всех видов. На дефиците исподволь выросла новая сила — симбиоз заворовавшейся государственной торговли и откровенной уголовщины. Последняя была представлена фарцовщиками, «цеховиками», валютчиками и т.п. Из этой группы вышли кооператоры второй половины 80-х и мелкотравчатая буржуазия 90-х.

Заканчивая обзор советского общества накануне «перестройки», нужно отметить два общих для всех социальных слоев обстоятельства. Первое из них заключается в доминирующем стремлении всех классов к повышению статуса. Второе обстоятельство: ни один из классов не имел собственного идеала будущего, любые представления о нем базировались на заимствованиях. Иногда «будущее» копировалось с дореволюционного, сильно мифологизированного прошлого, чаще — со столь же мифологизированного зарубежного опыта. Во всех случаях перспектива построения коммунистического общества всерьез не рассматривалась, над ней откровенно иронизировали. Расплата не запоздала — отсутствие внятных представлений о желаемой действительности привело фор-класс к прямой поддержке своих социальных противников и сегодняшнему жалкому состоянию.

Таким был расклад сил к началу 80-х годов, когда в правящих кругах СССР постепенно вызревала идея крупномасштабных реформ. Их общий «замысел» можно представить следующим образом:

- прекращение «холодной войны» и войны в Афганистане;
- сохранение в руках государства планового управления только стратегически важным производством с предоставлением максимальной хозяйственной самостоятельности всем остальным;
- «второе издание» НЭПа с перекладыванием неразрешимой для бюрократии задачи непосредственного снабжения населения на полностью подконтрольные кооперативы, полусамостоятельные торговые организации и т. п.;
- ускорение научно-технического прогресса;
- либерализация культурной жизни;

— постепенный отказ от советских моральных норм в пользу более мягких универсальных «общечеловеческих принципов».

Слово «замысел» взято нами в кавычки, потому что все перечисленные идеи изначально не сосуществовали в одной голове. Они были квинтэссенцией интересов различных бюрократических и медиакратических групп. Так, первые три пункта отражали интересы центральной и производственной бюрократии. Ускорение НТП было краеугольным камнем выкладок кабинетных экономистов (Г. А. Арбатов, А. Г. Аганбегян и др.), не вполне осознававших его несовместимость с сохранением существовавшей классовой структуры общества. Они же поддерживали идею «нового НЭПа», тем более что сама жизнь в условиях дефицита подсказывала некоторые формы квазикапиталистических отношений. Предпоследний тезис расчищал дорогу медиакратии, и только последний устраивал всех без исключения. Некоторое подобие целостности «замысел» обрел только в выступлениях М. С. Горбачёва не ранее 1988—89 г. г. Соответственно, не нужно видеть в «перестройке» некий заговор, ставивший целью выполнение заранее написанной (тем более, написанной врагами СССР) программы. «Перестройка» была практическим воплощением интуитивно ощущаемого, стихийного классового интереса высших слоев советского общества. Зарубежное влияние в рамках глобального противоборства, конечно, имело место, но не стоит его преувеличивать.

Все перечисленные пункты «замысла» в сумме означали бюрократическую контрреволюцию, отбрасывающую общество на полшага к капитализму. Полная отмена статусных отношений никем не планировалась, так как без них бюрократия не могла бы сохранить свое главенствующее положение. Капитализм должен был оставаться на нижних этажах общества, а наверх по-прежнему возносил бы только статус. В качестве конечной цели рассматривались, по видимому, различные иностранные варианты общества статуса с сильной государственной властью, высокой социальной защищенностью и развитым частным сектором — скандинавское или китайское, в зависимости от личных вкусов

того или иного «архитектора перестройки». Это еще раз свидетельствует об идейной импотенции поздней советской бюрократии.

Если бы «замысел» был выполнен в точности, то удовлетворенными остались бы центральная и производственная бюрократия, а также торговля и, в меньшей степени, медиакратия. Поведение всех прочих социальных групп, скорее всего, представлялось центральной бюрократической группировке достаточно пассивным. Изменения должны были быть полностью управляемыми и более долгими, чем получилось на деле (примерно 10 лет от начала «перестройки» до окончательного подтверждения прочности нового общества в 1996 г).

Х

В нашу задачу не входит описание хода «перестройки» и «демократических реформ», мы покажем только расстановку классовых сил, сложившуюся в результате этих процессов. Как известно, события пошли не совсем так, как хотелось инициаторам. Они стали «равнодействующей» усилий, прилагавшихся всеми классами и группами в своих собственных интересах, как реальных, так и воображаемых (или навязанных извне). Одно событие вызывало реакцию в виде других, причем последствия решений, зачастую, оказывались непредсказуемыми. Причина крылась в недооценке активности социальных групп, призванных стать послушными инструментами в руках «архитекторов», особенно местной бюрократии, национальной бюрократии, медиакратии и торговли. Энергия этих групп, за исключением новой буржуазии, была направлена на присвоение статуса. Активность эксплуатируемых классов также стала немалым сюрпризом, но усилиями медиакратии, солидаризировавшейся в этом с бюрократией, их энергия была повернута в нужную эксплуататорам сторону. Требования фор-класса, пролетариата и, в меньшей степени, крестьянства, по своей сути тоже касались пересмотра сложившейся статусной иерархии, хотя по форме выливались в недовольство зарплатой, дефицитом и т.д. Вплоть до 1990—91 г. г. с их явно искусственным товарным голодом, речь шла об удовлетворении потребности, прежде всего, в статусных благах. Стремление к присвоению статуса было в

СССР сильнее, чем в других странах, потому что СССР являлся самой старой понтуалистической страной. Это стало причиной снижения эффективности административного регулирования, как только передел статуса стал возможен в широких масштабах. В Китае, пришедшем к понтуализму только после Второй мировой войны, жажда статуса была, по-видимому, меньшей, что и предопределило контролируемый ход реформ Дэн Сяопина.

Второй причиной провала первоначального «замысла» реформирования СССР явилась невозможность одновременного удовлетворения бюрократией своих притязаний и технического развития промышленности. Результатом стал коллапс производительных сил в 90-х годах и, по-видимому, непоправимое отставание от мирового научно-технического уровня в обозримом будущем. Такова цена, которую Россия заплатила за пир победителей. Необходимо отметить, что в результате «перестройки» вызвавшее ее противоречие между производительными силами и производственными отношениями не только не было устранено, но еще больше углубилось. Стараниями медиа-кратии присвоение статуса продолжает оставаться в России общественным идеалом во всех социальных слоях, возвращение капиталистических отношений не вытеснило «понты». Деньги психологически рассматриваются, в основном, не как капитал, способный принести прибыль, а как средство приобретения статусных благ. Но возможности отечественных производительных сил настолько сузились, что потребность как в необходимых, так и в статусных товарах покрывается только за счет импорта, в обмен на продажу невозобновимых ресурсов. Коренное противоречие понтуалистического общества в России ненадолго (в исторических масштабах) замаскировано. После прогнозируемого истощения ресурсов (по разным оценкам, на это потребуется от 15 до 50 лет), в России будет наличествовать жажда статуса в комбинации с дефицитом всего и вся. Социальные последствия могут стать самыми мрачными, потому что дефицит материальных благ потребует от людей утверждать свой статус присвоением этических благ — чести, достоинства, воли и свободы — других сограждан. Спектр политических

и религиозных движений, скрыто или явно призывающих к подобному, весьма широк уже сейчас — от классического фашизма до неоязычества.

Но вернемся к недавнему прошлому. Кто выиграл, а кто проиграл в результате «перестройки» и «демократических реформ»? Медленно и со скрипом, но государственная бюрократия в 2000-е годы достигла того, чего хотела еще 30 лет назад. Национальная бюрократия получила гораздо больше, чем осмеливалась мечтать. Производственная проигралась в пух и прах. «Красные директора» привыкли управлять предприятиями в таких благоприятных условиях, которые даже не снятся западной корпоративной верхушке. В 90-е годы «крепкие хозяйственники» получили желаемую экономическую самостоятельность, после чего выяснилось, что без государства они не могут противостоять орде перекупщиков, спекулянтов и рэкетиров. Мы не хотим сказать, что производственная бюрократия потерпела полный крах. В 2000-х годах, благодаря возобновившейся государственной поддержке, уцелевшая промышленность кое-как начала подниматься на ноги. Но руководят ею уже новые бюрократы, старое поколение, за редчайшими исключениями, исчезло с горизонта. Зато новое быстро расплодилось, так что на иных предприятиях менеджеров, юристов и экономистов больше, чем инженеров и рабочих.

Больше всех от «перестройки» и «реформ» выиграла медиакратия и торговля. Медиакратия успешно конкурирует с бюрократией за первенство в господствующем классе, торгаши превратились в буржуазию, правда, не слишком самостоятельную. «Олигархи» бизнес-класса — нефтяные, газовые, медийные, колбасные, водочные — все назначены в великие капиталисты государством» пишет В. Прибыловский в статье «Кучмисты и безкучмисты» («Независимая газета, 31.05.2001»). А. И. Смирнов в статье «Пророчество Троцкого» (опубликована в журнале «Континент», 2003, № 115, цитируется по сайту www.scepsis.ru) добавляет: «Та же ситуация воспроизводится на низовом уровне, с «олигархами» областного и районного масштабов. Предпринимателей, которые действительно что-то предприняли, можно по пальцам пересчитать. Самостоятельный бизнес возможен на уровне отдельно взятого магазинчика или полукустарной

фабрики — «не выше сапога». Но на право буржуазии проматывать прибавочную стоимость в Куршавеле бюрократия пока не покушается.

Кто понес самые тяжелые потери? Фор-класс. Из-за полной неспособности производственной бюрократии к управлению в новых условиях в стране наблюдается дикое для XXI века явление — деиндустриализация. Потребность в высокотехнологичной продукции удовлетворяется за счет импорта, отечественное производство поставляет, в основном, то, что начинали разрабатывать еще в позднем СССР или, в лучшем случае, модификацию советской продукции на основе современных иностранных технологий. Научно-техническая социальная группа сократилась численно, в ней образовался разрыв поколений, так как те инженеры и ученые, чей период творческой зрелости (30—40 лет) пришелся на 90-е годы, были вынуждены искать спасения от нищеты вне стен НИИ и КБ. Уровень подготовки молодых специалистов гораздо ниже советского.

Научно-техническая социальная группа в значительной степени сама повинна в своих несчастьях. Справедливо, будучи самыми недовольными в 80-х, инженеры и ученые приняли активное участие в «перестройке» — митинговали, засоряли свои и чужие мозги «Огоньком», голосовали за Ельцина, выбирали директоров предприятий, получали акции и несли их в МММ. В общем, подобно луддитам, разрушали ту среду, в которой единственно могли существовать. В условиях революционной ситуации, которая могла бы разрешиться в их пользу, инженеры и ученые помогли своему классовому противнику, приняли бюрократическую контрреволюцию за антибюрократическую революцию. Не приемля распространенные пропагандистские штампы, фор-класс (не без помощи медиакратии) создал себе диаметрально противоположный образ буржуазии, более привлекательный, чем хорошо знакомая бюрократия, но не имеющий ничего общего с действительностью. И выразил готовность подчиняться этому образу, не разглядев исторической возможности не подчиняться вообще никому, кроме законов природы.

Врачи и учителя пребывают в столь же печальном положении, как и научно-техническая группа. Бесконечные реформы здравоохранения и образования

привели к резкому ухудшению качества и доступности услуг, зато количество бюрократии в обеих отраслях увеличилось в разы. Никаких обнадеживающих перспектив в обозримом будущем и здесь не угадывается.

Мы не пытаемся возложить на фор-класс всю ответственность за произошедшее. Как обычно бывает при контрреволюции, эксплуатируемые классы играли роль ведомых, проглатывая подбрасываемые эксплуататорами «наживки» и требуя того, что, в конечном счете, противоречило их собственным интересам. Но не будем забывать, что главной «наживкой» было обещание повышения статуса, изобилия статусных товаров и прочих благ за счет кого-то другого — «партократов», военных, жителей других республик или людей другой национальности. Для каждой социальной группы формировался образ персонального врага, статус которого (и соответствующие материальные блага) предлагалось присвоить. При этом те, чей статус действительно был завышен, в массе своей не пострадали. Сформировавшаяся при понтуализме жажда статуса сыграла с населением СССР злую шутку.

XI

Рассматривая ситуацию в мировом масштабе, можно констатировать, что самая передовая версия понтуализма потерпела поражение практически во всех странах так называемого социалистического лагеря. Даже там, где от социализма формально не отказались, то есть в Китае, на Кубе и во Вьетнаме, идут реформы, содержание которых аналогично «перестройке». Называется это по-разному: «социализмом XXI века», «элементами рыночных отношений» и т.п. Но суть одна — статусные производственные отношения частично заменяются более отсталыми буржуазными. С другой стороны, в странах, называющих себя капиталистическими, одноименные производственные отношения в значительной степени заменены статусными. Очевидно, именно такая форма понтуализма, сочетающая господствующие статусные отношения с пережитками капитализма, временно является наиболее устойчивой. Она на полшага впереди капитализма и на полшага позади социализма. Тем не менее, поводов для оптимизма

у нас немного. Поскольку наша страна первой ступила на путь понтуализма, отечественная бюрократия является самой старой, давно пережившей прогрессивный этап своей истории и, следовательно, самой реакционной. Бюрократия США, например, все еще может считаться относительно прогрессивной из-за огромного объема капиталистических пережитков, которые она пытается преодолеть (вспомним антикризисные меры правительства Обамы в 2008—2009 г. г.). Китайская бюрократия находится в положении советской времен Хрущева или раннего Брежнева, то есть она уже превратилась в суперстатусный класс (самостоятельной медиакратии в Китае не существует), но еще достаточно энергична и дееспособна. Управляемая разложившейся бюрократией Россия, по видимому, ничего не может противопоставить этим главным игрокам мировой арены. Еще хуже, что правящий Россией суперстатусный класс в последнее время активно ищет себе опору в отдельных народах, чей статус искусственно завышен. Недавние события в Москве и других городах показали, к чему это может привести.

Рано или поздно, но противоречие производительных сил и производственных отношений в постиндустриальных странах будет разрешено. Полная остановка развития производительных сил во всем мире невозможна, она поставила бы под угрозу само существование человечества. Торможение бюрократией технического прогресса происходит на фоне глобальных изменений климата, истощения энергетических ресурсов планеты и опережающего производительные силы роста народонаселения в ряде стран. Как могущество буржуазии оборачивается ее зависимостью от пролетариата, так и фор-класс оказывается бюрократам жизненно необходим для решения возникающих проблем. Благополучие США тесно связано с поддержанием глобального технического превосходства. Япония не может развиваться ни по какому другому пути, кроме инновационного, так как не располагает значительными природными ресурсами. Поэтому, согласно прогнозу японского Мемориального фонда машиностроительной промышленности, в 2025 году около 970 тыс. роботов будут выполнять в Японии функции медсестер и сиделок, 450 тыс. будут задействованы в сельско-

хозяйственной отрасли и почти 1,5 млн. роботов будут выполнять «работать» уборщиками и курьерами. Таким образом, роботы в Японии будут занимать около 3 млн. рабочих мест».

Развивающиеся государства Востока пытаются добиться технологического паритета. По сообщению сетевого информационного агентства www.inline.ru от 18.02.2010 г., «Иран и Турция были признаны государствами, в которых наука развивается быстрее, чем в среднем по миру... Среди стран азиатского региона чемпионом по темпам увеличения числа научных публикаций стал Иран. Наибольший процент статей иранские ученые написали в области неорганической химии, ядерной химии и физики, физики элементарных частиц и ядерной энергетики. При этом количество публикаций, посвященных разработкам по ядерной энергетике, в Иране в последние 30 лет росло в среднем в 250 раз быстрее, чем в целом по миру».

Бюрократия вынуждена прибегать к услугам фор-класса, но, в то же время, не может не присваивать его статус. Поэтому каждый очаг новых знаний и технологий представляет собой катализатор напряженности между субстатусным и суперстатусным классами. Если напряженность вызвана не только властью бюрократии, но и пережитками предыдущих формаций (экономическими, культурными, религиозными), то эта напряженность повышается еще больше. Следовательно, неизбежна новая революционная ситуация.

Попытки предсказать, где и когда она сложится, подобны гаданию на бобах, однако некоторые соображения высказать можно. Коммунистическая революция может произойти в стране со следующими признаками:

- в ней должны иметься многочисленные (в абсолютном и относительном смысле) суб- и суперстатусный классы;
- эта страна должна иметь в перспективе некий кризис, но обладать потенциалом для его успешного преодоления;
- в этой стране должны иметься пережитки капитализма, обостряющие ситуацию в период кризиса;

— наконец, в этой стране должна быть исторически развита нетерпимость к присвоению статуса.

Последнее требование вводится нами по аналогии с нравственной приемлемостью статусного распределения, имевшей место в России к моменту революции. На наш взгляд, такая нетерпимость в России отсутствует, что не позволит ей повторить триумф 1917 года. Впрочем, из приведенных условий ясно, что коммунистическая революция не сможет победить в большинстве стран мира, претендентов на революционные потрясения можно пересчитать по пальцам. Снова сложится положение, когда одна из стран в результате победы революции станет передовой, а другие — отстающими. Они пойдут путем постепенного изменения производственных отношений при сохранении многочисленных пережитков и именно такой путь, по-видимому, предстоит проделать России.

Из этого, однако, не следует, что российский субстатусный класс может сесть и, в ожидании чужого успеха, сложить руки. Он должен участвовать в процессе самоорганизации, в который постепенно втягивается фор-класс других стран. Собственно, это и происходит. В России, Австрии, Болгарии, Великобритании, Дании, Чехии, Финляндии, Франции, Испании, Швеции созданы т. н. «пиратские партии», ставящие перед собой следующие задачи:

— изменения законов о копирайте (ограничение копирайта 5 годами, некоммерческое использование программного обеспечения или медиа-продуктов — бесплатно);

— изменение законов о патентовании, которые ставят большинство информационных и интеллектуальных ресурсов под контроль корпораций;

— борьба за сохранения права на недоступность личной информации, то есть запрет на шпионаж за гражданами в отсутствие судебного решения, признающего конкретного индивидуума опасным для общества.

Как видим, деятельность «пиратских партий», в первую очередь, отвечает потребностям фор-класса, жизненно нуждающегося в информационных благах. В России «пиратская партия» пока что представляет собой неформальную организацию, но в ряде стран — например, в Швеции — «пиратская партия» зарегистрирована.

стрирована в качестве политической с правом участия в выборах парламента. На международном уровне деятельность «пиратских партий» координируется организацией «Pirate Parties International»). Этот «International», конечно, еще не дорос до Интернационала, но и фор-класс по уровню сознательности пока не дотягивает до пролетариата второй половины 19 века.

Независимые от бюрократии объединения ученых и инженеров могут принимать форму работы над конкретным техническим проектом. Так, датские инженеры Кристиан фон Бенгтсон (Kristian von Bengtson) и Петер Мадсен (Peter Madsen) с группой сотрудников-добровольцев ведут разработку ракеты-носителя для туристических полетов. Работа ведется с 2004 года исключительно на собственные средства и спонсорскую помощь, никакие государства финансовую поддержку проекту не оказывали. Примечательно, что инженерный коллектив сложился в процессе сетевых компьютерных игр, посвященных космической тематике. Это позволяет предположить, что организация фор-класса может быть самой причудливой, а не только в виде партий или профсоюзов.

В ряду проявлений растущего самосознания субстатусного класса можно отметить и международное движение «Zeitgeist», пока что объявляющее себя «неполитическим», но фактически пропагандирующее ведущее место научно-технических работников в решении экономических и социальных проблем человечества.

Самоорганизация, основанная на осознании своих интересов и разнообразная по форме, является ближайшей задачей фор-класса. Есть и другая. Одной из современных тенденций ближайшего десятилетия станет укрепление позиций медиакратии в суперстатусном классе. Средства массовой информации будут оказывать все большее и большее влияние на людей и любые попытки ограничить это влияние потерпят крах. Сознание человека будет все более мифологизироваться и виртуализироваться. В пределе процесс может привести к самым печальным результатам. Единственным средством, способным ограничить власть масс-медиа, является активность гуманитарной социальной группы. Учительница младших классов — самый могущественный человек на Земле, только

она пока не знает об этом. Помочь ей понять свои насущные интересы является второй, после самоорганизации, задачей передовых представителей фор-класса.

И это еще не все. Конечной основой системы присвоения статуса является нравственная терпимость к нему, готовность отдать частичку честно заработанного статуса «более достойному» человеку. Следовательно, инструментом борьбы с присвоением статуса должна стать новая этика фор-класса, принципиально нетерпимая к обману, клевете, незаслуженным похвалам, низкопоклонству, лести, хамству и равнодушию. В обществе статуса вопрос об этике не менее важен, чем при капитализме вопрос о собственности. Разумеется, речь не идет о чем-то вроде религиозной проповеди, новых 10 заповедях или пресловутом «возрождении духовности». Нетерпимость к присвоению статуса должна базироваться на прагматичном понимании того, что при существующих нравственных нормах любой представитель фор-класса находится в заведомо проигрышном положении по сравнению со своими эксплуататорами и в его каждодневных интересах эти нормы изменить.

Итак, вот три первоочередные задачи фор-класса: самоорганизация, союз научно-технической и гуманитарной групп, выработка новой этики. Их решение превратит фор-класс в силу, способную, в союзе с пролетариатом и частью коммуникативной социальной группы совершить коммунистическую революцию.

ХII

Какие вопросы должна решить коммунистическая революция? Как минимум, это:

- ликвидация бюрократии как наиболее организованной части суперстатусного класса и максимальное ослабление медиакратии;
- ликвидация всех пережитков капитализма;
- новая технологическая революция;
- построение такого социального устройства, при котором гарантируется беспрепятственное развитие фор-класса;

— ограничение возможностей статусной эксплуатации со стороны любых лиц и социальных групп в будущем.

Учитывая, что суб- и суперстатусный классы состоят каждый из двух социальных групп, коммунистическая революция, по-видимому, будет протекать в два этапа. На первом этапе ее основное содержание будет определяться конфликтом научно-технической группы с бюрократией, как более организованных сил. Второй этап будет более долгим и превратится в борьбу за господствующие в обществе нравственные ценности, за которой будет стоять столкновение гуманитарной группы с оставшейся медиакратией.

Каков будет характер коммунистической революции — мирный или насильственный? На этот вопрос ответить сейчас невозможно, но следует помнить, что сегодняшний фор-класс относится к насилию, в целом, с неодобрением. Поэтому шансы на мирное изменение общества будут выше, чем были перед Октябрьской революцией.

Какое общество должно возникнуть в результате коммунистической революции? Прежде всего, следует раз и навсегда отказаться от представления коммунизма в виде «рая на земле». Такое представление должно считаться «утопическим коммунизмом» по аналогии с «утопическим социализмом». В свое время классики марксизма поставили на повестку дня «научный коммунизм». Сегодня мы уже можем уточнить это понятие. С точки зрения производственных отношений, коммунизм будет оставаться обществом статуса. Наивно надеяться, что присвоение статуса в нем совершенно прекратится, так как нематериальность и неформализуемость статуса создают для этого исключительно благоприятные условия. Но присвоение статуса в коммунистическом обществе должно быть максимально затруднено как социальными институтами, так и господствующими ценностями. Кроме того, в коммунистическом обществе должна быть минимизирована любая возможность использования статусной разницы в антиобщественных целях. В целом, «формула» коммунистического общества может быть предложена в соответствии с известным ленинским определением социализма. Коммунизм — это изобилие вещественных благ плюс все более и более спра-

ведливое распределение благ этических. Иными словами, коммунизм никогда не может быть завершен, он процесс, а не состояние.

Сегодня мы уже можем относительно полно представить себе коммунистическое общество с позиций науки и техники. Производительные силы в нем должны совершить еще один скачок, не меньший, чем при переходе от индустриальной к постиндустриальной эпохе. Сейчас темпы роста производительности и энерговооруженности из расчета на одного работника отстают от темпов роста информационного обеспечения. Между тем это самые «индустриальные» показатели, напрямую связанные с объемом выпускаемой продукции. Информационные технологии позволяют резко ускорить рост производительности и энерговооруженности за счет широкого применения робототехники, но ситуация в ней пока что подобна той, которая сложилась в промышленности в конце 18 — начале 19 века. Тогда машины уже позволяли производить огромное количество полезной продукции, зато само машиностроение оставалось по большей части ручным и малоэффективным. Как известно, выход был найден в принципе «машина производит машину». Соответственно, сейчас на повестке дня стоит принцип «робот производит робота».

В этой статье мы не можем уделить много места интереснейшему вопросу дальнейшей эволюции робототехники, скажем лишь, что создание самовоспроизводящихся роботов возможно уже на существующем уровне технологий (см. А. Ю. Чернов, «Перспективы создания самовоспроизводящихся автоматических систем», рукопись, 1994 г.). Широкое внедрение самовоспроизводящихся робототехнических систем позволит впервые в истории создать «экономику изобилия». При ней потребность в вещественных благах может быть удовлетворена, теоретически, в неограниченных количествах. На практике же удовлетворение абсолютно всех мыслимых потребностей любого человека останется недостижимой мечтой. Реальностью будет бесплатный доступ к всё расширяющемуся объему вещей и услуг. Роботизация производства позволит обеспечить непосредственный доступ к нему всех людей для участия в создании уникальных вещей, в точности соответствующих запросам потребителей. Это участие будет

обеспечивать этические блага самореализации и самовыражения, для получения которых сегодня приобретаются «статусные» товары.

«Экономика изобилия» совершенно необходима, прежде всего, самим ее создателям, то есть фор-классу. Важнейшей опорой сегодняшней бюрократии является принадлежащая ей функция распределения ограниченных вещественных благ. Преодоление любых подобных ограничений означает локальную победу над бюрократами, «экономика изобилия» станет триумфом.

В соответствии с законами диалектики, изобилие будет не только необходимым условием освобождения фор-класса, но и его следствием. Его можно считать побочным результатом самореализации научно-технической социальной группы. Освободив себя от оков, сдерживающих творческое развитие, фор-класс заодно освободит всех и от бюрократической эксплуатации, и от повседневной заботы о куске хлеба. Скорее всего, значительная часть населения воспользуется возможностью не участвовать в общественном производстве. Это не должно считаться катастрофой, но, безусловно, породит свои проблемы.

Разумеется, «экономика изобилия» будет возможна при выполнении как минимум двух условий — наличия соответствующей энергетики и способов «замыкания» технологических циклов по расходуемым веществам. Энергетической базой, по современным представлениям, могут стать ядерные реакторы на быстрых нейтронах, термоядерные реакторы и космические солнечные электростанции. В силу своей природы это будут «большие» централизованные энергетические системы, диалектически противоположные столь популярной в наши дни «малой» децентрализованной энергетике.

Существующие производительные силы являются «несимметричными» — они ориентированы, в основном, на производство конечного продукта. Обратные процессы, то есть переработка отходов, развиты значительно слабее. «Экономика изобилия» немислима без исправления этого перекоса, в противном случае наступит быстрое истощение ресурсов планеты. Можно ожидать появления новых отраслей промышленности, занятых переработкой отходов и тесно интегрированных с производством новой продукции.

Еще одной составляющей «экономики изобилия» должно стать несельскохозяйственное производство продуктов питания. В настоящее время одно упоминание об искусственной пище вызывает у многих инстинктивное отторжение, по большей части сформированное масс-медиа. Однако ясно, что рано или поздно, скорее всего, уже через два три десятка лет, биотехнологии позволят производить любое продовольствие в любых количествах с затратами, сравнимыми с затратами сельского хозяйства.

Высвобождение труда в фабричном и сельскохозяйственном секторах и новая энергетическая база позволят перейти к решению принципиально новых задач — к активному восстановлению и регулированию окружающей среды и управлению климатом. Современные экология и метеорология имеют информационный и ограничительный характер, то есть позволяют предсказывать грядущие изменения и кое-как обеспечивать безопасность человека в неблагоприятных обстоятельствах. Очевидно, должны появиться «активные» экология и метеорология, преобразующие экосистемы и климат в желаемую нам сторону.

Таким образом, производительные силы, которые придут на смену постиндустриальным, будут иметь в своей основе пять составляющих:

- самовоспроизводящиеся робототехнические системы;
- новую «большую» энергетику;
- развитую переработку отходов;
- производство искусственных продуктов питания;
- активное вмешательство в природные процессы.

Производительные силы «экономики изобилия» будут развиваться из постиндустриальных производительных сил путем обращения достижений последних на максимальное производство вещественных благ, поэтому новый этап можно назвать «сверхиндустриальным».

XIII

В советское время коммунизм изображался, особенно в вульгарной популяризации, чем-то вроде «конца истории» или «золотого века». Мы не придержи-

живаемся подобных воззрений. Скорее всего, в коммунистической формации проявятся какие-то новые противоречия, которые будут требовать своего разрешения в виде ее отрицания. Сейчас нельзя сказать, какими будут эти противоречия. Можно только предположить, что в результате уже не возникнет классового разделения в привычных формах, а социальное противостояние примет совершенно новый вид, для нас непредставимый. Поэтому подумаем пока о более близких вещах. В 1975 году с борта мятежного противолодочного корабля «Сторожевой» прозвучало обращение В. М. Саблина: «Прошу срочно доложить Политбюро ЦК КПСС и Советскому правительству, что на БПК «Сторожевой» поднят флаг грядущей коммунистической революции!» Нам уже не узнать, как представлял эту революцию дерзкий и наивный моряк. Но он не ошибся — коммунистическая революция действительно состоится. У нее нет еще ни знамени, ни «Интернационала», нет пламенного «Манифеста» и несокрушимого «Капитала». Но есть самое главное — будущее.

И. Князев, О. Строгов, инженеры

<http://экономикаизобилия.рф>

strogov1980@yandex.ru

economax@yml.com